

КРУПНЫЕ КОРПОРАЦИИ В ПРОЕКТАХ ОСВОЕНИЯ РЕСУРСОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Владимир Иванович Нефёдкин

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, тел. (383)330-09-62, e-mail: nefedkin@ieie.nsc.ru

В современной России крупные промышленные корпорации, некоторые из которых являются прямыми наследниками социалистических заводов, традиционно являются основными инициаторами, операторами и бенефициарами проектов по освоению ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Предложен подход к оценке влияния крупномасштабных проектов освоения природных ресурсов на экономические показатели отдельных регионов через показатели отдельных компаний, участвующих в этих проектах. Апробация подхода на основе финансовой отчетности 300 крупнейших компаний реального сектора Сибири и Дальнего Востока за 2014-2019 годы показала, что ресурсные проекты крупных корпораций являются основным генератором доходов, а их динамика во многом определяет траекторию экономического развития отдельных регионов. Финансовые показатели подразделений крупных корпораций, участвующих в этих проектах, росли быстрее, чем у остальных компаний. В то же время значительная часть крупнейших проектов освоения недр еще не достигла той стадии, когда начинается заметное снижение объемных и стоимостных показателей, и поэтому крупные корпорации – операторы этих проектов продолжают играть роль ключевых игроков, определяющих потенциал экономического роста Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: социалистические комбинаты, крупные корпорации, освоение природных ресурсов, Сибирь, Дальний Восток, проектная динамика

LARGE CORPORATIONS IN PROJECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RESOURCES IN SIBERIA AND THE FAR EAST

Vladimir I. Nefedkin

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, 17, Prospect Akademik Lavrentiev St., Novosibirsk, 630090, Russia, Ph. D., Senior Researcher, phone: (383)330-09-62, e-mail: nefedkin@ieie.nsc.ru

In modern Russia, large industrial corporations, some of which are the direct "heirs" of socialist factories, are traditionally the main initiators, operators and beneficiaries of projects to develop the resources of Siberia and the Far East. An approach to assessing the impact of large-scale natural resource development projects on the economic performance of individual regions through the performance of individual companies involved in these projects is proposed. Testing the approach based on the financial statements of 300 largest companies in the real sector of Siberia and the Far East for 2014-2019 showed that resource projects of large corporations are the main revenue generator, and their dynamics largely determine the trajectory of economic development of individual regions. Financial indicators of divisions of large corporations. the companies involved in these projects grew faster than the rest of the companies. At the same time, a significant part of the largest projects for the development of mineral resources has not yet reached the stage when a noticeable decline in volume and cost indicators begins, and therefore large corporations - operators of these projects will

continue to play the role of key players determining the economic growth potential of Siberia and the Far East.

Keywords: soviet combines, large corporations, natural resources development, Siberia, Far East, project dynamics

Введение

В советское время доминирующей организационной формой освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока являлись промышленно-транспортные и транспортно-промышленные комбинаты [1], главной задачей которых было добывать и транспортировать ресурсы к местам их переработки. Участие в освоении прилегающих территорий, как правило, ограничивалось созданием требуемой транспортной и минимально необходимой социальной инфраструктуры, которая существовала в диапазоне от трудовых лагерей ГУЛАГА до вахтовых поселков времен освоения нефти и газа Западной Сибири и крупнейших в мире моногородов за полярным кругом.

Создание комбинатов было направлено на решение важнейших стратегических задач. Урало-Кузнецкий комбинат, ставший основой второй угольно-металлургической базы страны, в частности, не только сыграл важнейшую роль в сохранении промышленного потенциала СССР во время Второй мировой войны, но и способствовал созданию индустриальной основы для последующего развития Сибири в послевоенные годы [2, 3]. Создание и развертывание производственных и транспортных комплексов, как правило, осуществлялось в сжатые сроки и, по сути дела, в мобилизационном режиме, с широким использованием принудительного труда [4]. В то же время вопросы экономической, социальной и экологической эффективности в рамках модели комбинатов рассматривались как второстепенные [5].

В ходе приватизации 1990-х годов комбинаты превратились в крупные акционерные предприятия. Некоторые из них утратили организационную самостоятельность и вошли в состав крупных бизнес-структур (корпораций). Новые собственники бывших комбинатов сместили приоритеты со стратегических общегосударственных задач на максимизацию текущих финансовых результатов. Главной задачей стало выжать максимум из активов, созданных еще в советские времена. Открывшаяся возможность сэкономить на социальных расходах и затрат на природоохранные мероприятия была использована в полной мере. Задачи развития территорий, на которых располагались производственные подразделения комбинатов, не входили в круг интересов «эффективных» менеджеров новой генерации. Произошла своего рода «приватизация» результатов при «регионализации» издержек. Т.е. большая часть эффектов, обусловленных добычей и полезным использованием местных природных ресурсов, покидала территории, связанные с процессом производства. В то же время социальные и экологические издержки успешно «локализовались» – забота об устойчивом развитии перекладывалась на органы местной и региональной власти. При этом фискальная ком-

пенсация в виде налогов, поступающих в региональные и местные бюджеты, была явно недостаточна [6].

Комбинаты были в первую очередь организациями, работающими в режиме «проекта», целесообразность создания и срок существования которых определялся прежде всего наличием и эффективностью использования уникального природного ресурса. Проект – ограниченная во времени деятельность, направленная на достижение уникального результата. Процессы, в отличие от проектов, повторяются во времени и нацелены на получение стандартных, воспроизводимых продуктов или услуг. Для нас в данном случае важно, что проектная и процессная деятельность существенно различаются как с точки зрения неопределенности затрат и результатов, так и с точки зрения долгосрочной динамики экономических показателей. Добыча нефти в этом смысле является проектной деятельностью, а ее переработка – процессной. Изменение во времени экономических показателей для проектной и процессной деятельности определяется разными факторами. Жизненные циклы проектного и процессного предприятий и динамика их экономических показателей существенно различаются.

В современной России крупные промышленные корпорации, часть которых являются прямыми наследниками социалистических комбинатов, традиционно являются главными инициаторами, операторами и бенефициарами проектов масштабного освоения ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Уже реализуемые крупными корпорациями проекты во многом определяют траекторию экономического развития отдельных регионов.

Отсутствие в статистике проектной аналитики превращает оценку параметров того или иного проекта в крайне сложную проблему. В известной нам литературе не описаны ни постановка данной проблемы, ни возможные способы ее решения. Цель настоящего исследования – сформировать и протестировать подход, позволяющий оценивать влияние проектов освоения природных ресурсов, реализуемых крупными корпорациями, на экономические показатели регионов Сибири и Дальнего Востока.

Методы и материалы

Для идентификации компаний (юридических лиц), в деятельности которых превалирует проектная составляющая, нами использовались открытые данные о крупномасштабных проектах освоения природных ресурсов, осуществляемых и планируемых крупными корпорациями в регионах Сибири и Дальнего Востока. Для оценки масштабов и степени присутствия крупных корпораций в регионах рассматривались данные о финансовых показателях, характеризующих деятельность реальных активов крупных корпораций, на территории Сибири (включая Тюменскую область) и Дальнего Востока.

Предлагаемый подход основан на том, что может быть установлена связь между отдельными проектами и юридическими лицами, в финансовой отчетности которых отражаются показатели данных проектов. Если установить соответствие

между обособленным предприятием (юридическим лицом) – оператором проекта и одним или несколькими проектами, в которых оно принимает участие, то финансово-экономические показатели проектов будут консолидированы в показателях отчетности соответствующих юридических лиц. Источником дополнительной информации об инвестиционных проектах являются данные программ и компаний, предполагающих реализацию этих проектов [7]. Как правило, можно получить информацию о характеристиках отдельных проектов – осуществленных и планируемых инвестициях, объемах добычи и обогащения полезных ископаемых, численности работников, занятых в отдельных проектах и направлениях поставок добываемого сырья.

Информация о проектах позволяет разделить активы крупных корпораций на «проектные» и «процессные». На рисунке 1 в качестве примера показана выручка от реализации двух компаний, входящих в состав крупных корпораций, показатели которых определяются ресурсными проектами. Первая – ООО ГРК «Быстринское» является дочерней компанией ПАО «Норильский никель». Бизнес компании прямо связан с освоением одного из крупнейших в мире месторождений полиметаллических руд, расположенного в Забайкальском крае. Вторая – АО «Разрез Тугнуйский» является дочерней компанией СУЭК. В ее финансовой отчетности отражаются результаты деятельности, связанной с разработкой открытым способом Олонь-Шибирского и Никольского каменноугольного месторождений, расположенных в Забайкальском края и в Республике Бурятия.

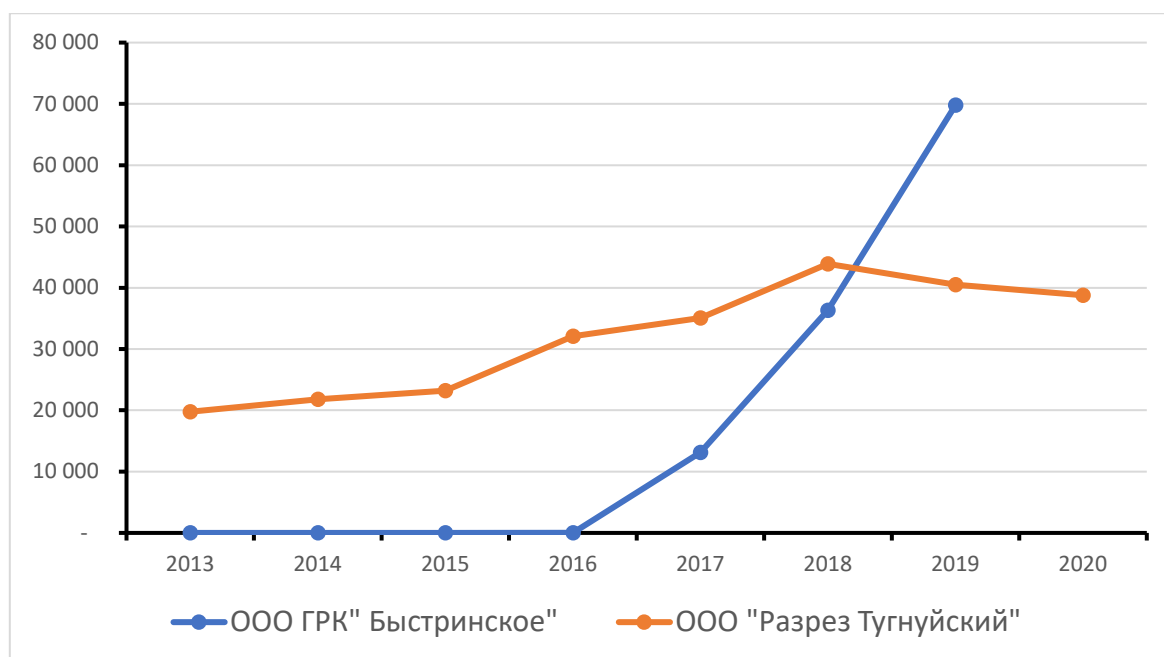

Рис. 1. Выручка от реализации в 2013–2020 гг., млн руб.

Как видно на рис. 2, похожий характер носит и динамика значений показателя валовой прибыли, отражающего эффективность операционной деятельности тех же компаний.

Одна из компаний прошла пик своей выручки в 2018 г. и в течение последних двух лет (2019–2020 гг.) снижает валовую прибыль. Это снижение обусловлено сопутствующим изменением отпускной цены. Вторая компания, начиная с 2016 г., демонстрирует практически экспоненциальный рост выручки и валовой прибыли, что связано с завершением инвестиционной фазы и выходом объемов добычи на проектную мощность.

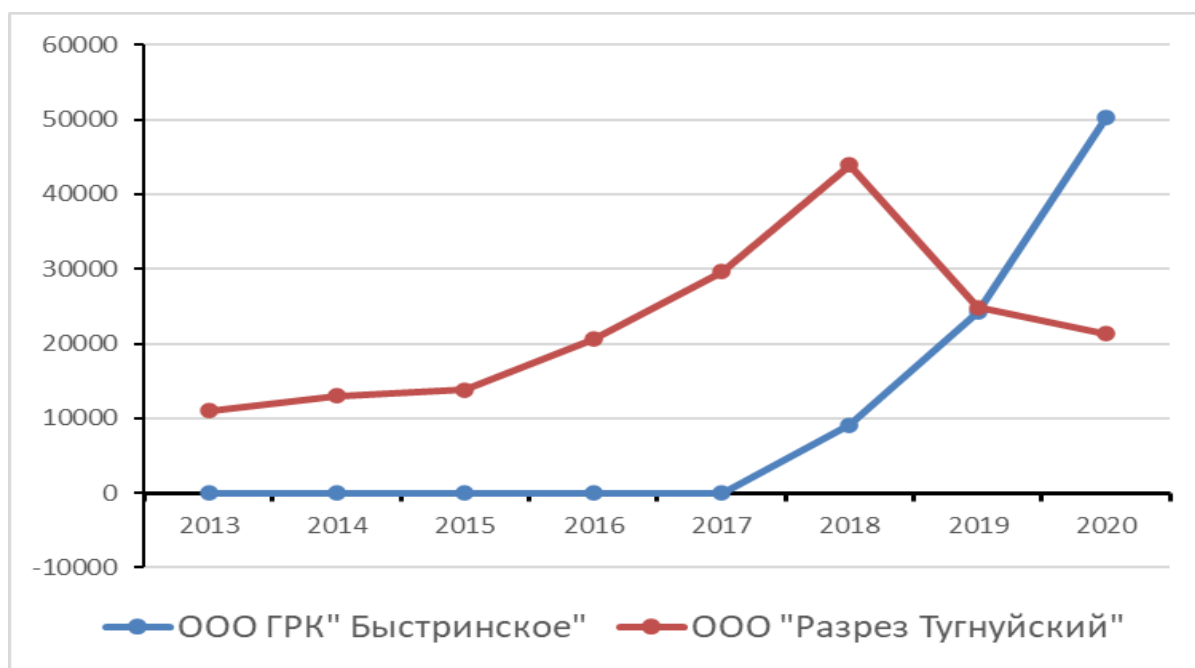

Рис. 2. Валовая прибыль в 2013–2020 гг., млн руб.

На динамику выручки и валовой прибыли проектных ресурсных активов может существенно влиять ценовой фактор и, прежде всего, изменение ценовой конъюнктуры, поэтому более точную характеристику динамики проекта отражают натуральные показатели добычи ресурсов. В частности, на рассмотренном нами в качестве примера Тугнуйском разрезе добыча угля практически монотонно возрастала с 2013 по 2020 гг. – с 12,5 до 15,2 млн т. Очевидно, что снижение показателей выручки и валовой прибыли в 2019–2020 гг. определяется ценовым фактором. Следует также учитывать, что на показатели корпоративных активов влияют внутрикорпоративные трансферы, позволяющие перераспределять финансовые потоки и финансовые результаты между разными компаниями.

Результаты

Для тестирования предлагаемого подхода нами были проанализированы данные по 300 крупнейшим по величине выручки за 2019 г. реальным активам (далее – Топ-300), зарегистрированным на территории Сибири³ и Дальнего Востока. 124 компании, по нашей экспертной оценке, можно отнести к «проектным» ресурсным активам, входящим в состав различных корпораций.

Совокупная выручка этих компаний в 2019 г. составила 20,3 трлн руб., из которых 13,2 трлн руб. или 64,8% приходилось на «проектные» ресурсные активы. Если взять показатели выручки тех же самых компаний за предшествующие годы, то можно получить их ретроспективную «демографическую» динамику. На рисунке 3 показано изменение суммарной выручки Топ-300 в 2014–2019 гг.

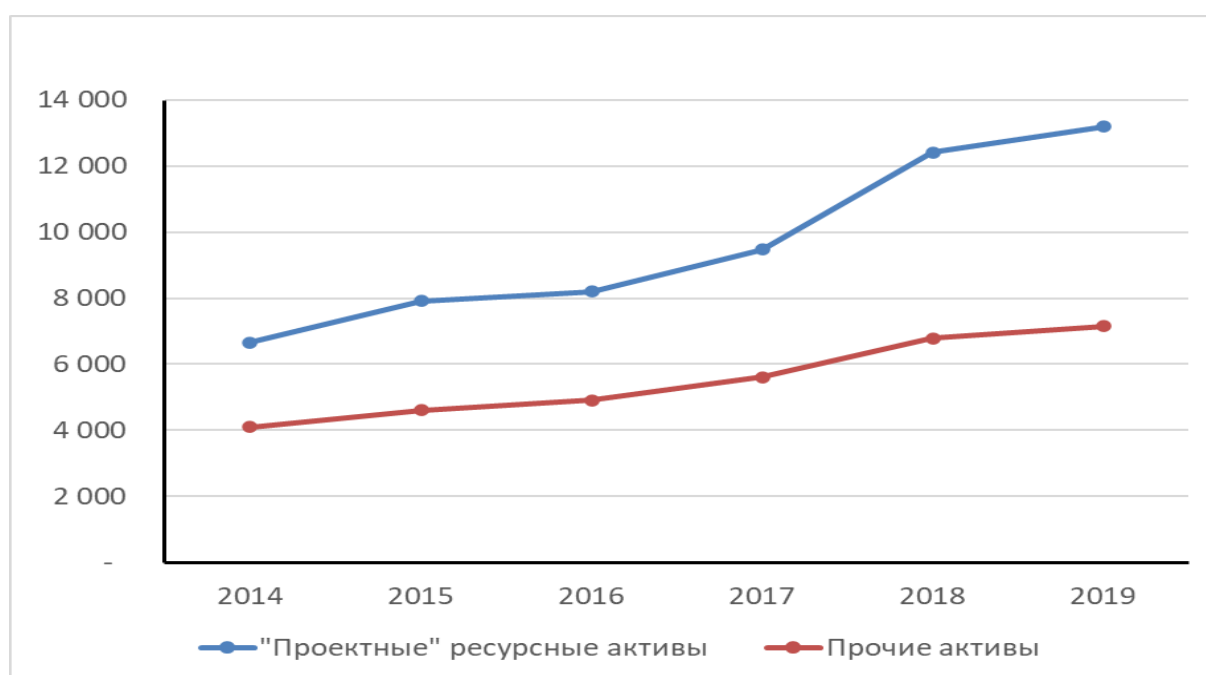

Рис. 3. Суммарная выручка компаний Сибири и Дальнего Востока из Топ-300 компаний по итогам 2019 г., млрд руб.

Из рисунка 3 видно, что доля «проектных» ресурсных активов в совокупной выручке имеет тенденцию к росту: с 61,9% до 64,8% в 2019 г. Это означает, что проектные активы, попавшие в Топ-300, растут быстрее остальных активов. Если суммарная выручка «проектных» активов с 2014 по 2019 гг. выросла почти в два раза (на 98%), то у «прочих» активов – на 75%.

³ В состав Сибирского макрорегиона были включены все субъекты федерации Сибирского федерального округа и Тюменская область, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа.

Обсуждение

Как уже отмечалось выше, на «проектные» ресурсные активы приходится большая часть выручки компаний реального сектора, вошедших в Топ-300. Более того – выручка этих компаний во времени растет быстрее, чем выручка компаний, не входящих в данную группу («прочие активы»). Это говорит о том, что значительная часть ресурсных проектов еще не достигла высоких показателей зрелости и потенциал их роста еще не исчерпан. По сути дела, предлагаемый нами подход позволяют оценить степень инерции, связанной с уже принятыми экономическими и управленческими решениями.

Преимущества крупных корпораций, с точки зрения возможностей использования эффекта масштаба и снижения транзакционных издержек при реализации крупных проектов, очевидны и имеют соответствующее теоретическое обоснование [8, 9]. Вместе с тем проекты, связанные с освоением локальных ресурсов, иницируемые и реализуемые крупными корпорациями, в большинстве случаев являются результатом решений, принимаемых далеко от территорий, на которых расположены данные ресурсы. Экономические агенты, ответственные за эти решения, как правило, не имеют специфических интересов, связанных с развитием данных территорий [10]. Если во времена социалистических комбинатов такого рода решения принимались высшими органами государственной власти, то в настоящее время агентами, принимающими решения, становятся собственники и менеджеры крупных корпораций. Аналогичная проблема отмечается и в других странах: происходит глобализация процесса принятия экономических решений, имеющих отношение к местному уровню [11], а ее решение в практическом плане рассматривается как поиск различных инструментов согласования интересов сторон в контексте устойчивого развития. В частности, это могут быть добровольные соглашения о социальной корпоративной ответственности [12] или механизмы экономического действия, способствующие формированию социальной укорененности, основанные на идеях К. Поланьи [13] и М. Грановеттера [14] и развитые применительно к корпорациям в трудах современных исследователей [15, 16, 17].

Заключение

По результатам проведенного нами исследования можно сделать ряд выводов методического и содержательного характера. Основной методический вывод состоит в том, что предлагаемый подход реализуем и может быть применен для решения задач, связанных с оценкой влияния отдельных экономических агентов на развитие регионов.

Резюмируя содержательные результаты, можно отметить следующее.

Во-первых, ресурсные проекты крупных корпораций являются основным генератором доходов регионов Сибири и Дальнего Востока, а их динамика во многом определяет траекторию экономического развития. Во-вторых, финансовые показатели подразделений крупных корпораций, участвующих в ресурсных

проектах, растут быстрее, чем у остальных компаний. В то же время значительная часть крупнейших проектов освоения недр еще не достигла той стадии, когда начинается заметное снижение объемных и стоимостных показателей, и поэтому крупные корпорации – операторы этих проектов продолжают играть роль ключевых игроков, определяющих потенциал экономического роста в рассматриваемых регионах.

Данные о планах крупных корпораций в отношении существующих и перспективных проектов освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока могут дать более точные оценки потенциала «проектной» динамики, оценить социальные экономические и экологические последствия для отдельных территорий.

Благодарности

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Ресурсные территории Востока России и Арктической зоны: особенности процессов взаимодействия и обеспечения связанности региональных экономик в условиях современных научно-технологических и социальных вызовов», № 121040100278–8.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. – Москва: Издательство экономической литературы, 1961. – 302 с.
2. Тимошенко А. И. Урало-Кузбасс: создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг. // Историко-экономические исследования. – 2011. – Т. 12. – № 1. – С.70– 92.
3. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. – Москва: Гос. издательство политической литературы, 1958. – 200 с.
4. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 320 с.
5. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского Севера в 1950-е гг. Случай Комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 2. – С. 181–200. DOI: 10.17223/2312461X/20/10.
6. Нефёдкин В.И. «Бюджетное проклятие» ресурсных регионов // ЭКО. – 2015. – № 6. – С. 5–24.
7. Кубарев Е.Н. Инвестиционные проекты освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока // Финансы и кредит. – 2008. – № 33. – С. 64–68.
8. Коуз Р.Г. Природа фирмы // Сборник статей «Теория фирмы». Серия «Вехи экономической мысли». Составление и общая редакция В.М. Гальперина. – Санкт Петербург: Экономическая Школа, 1995. С. 11–32.
9. Уильямсон О.И. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка // Сборник статей «Теория фирмы». Серия «Вехи экономической мысли». Составление и общая редакция В.М. Гальперина. – Санкт Петербург: Экономическая Школа, 1995. С. 33–54.
10. Нефёдкин В.И. Локальный контент крупных ресурсных корпораций как фактор регионального развития // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 8. Supplement. С. 108–121.
11. Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020 год. Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]: URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf.

12. Polishchuk, L. Corporate Social Responsibility vs. Government Regulation: Institutional Analysis with an Application to Russia. [Электронный ресурс]: URL: https://www.hse.ru/data/393/364/1237/CSR_paper_revised.pdf.
13. Поланьи, К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Васильева и А. Шурбелева, под общ. ред. С. Е. Фёдорова. — СПб: Алетейя, 2002.
14. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. – 2002. – Том 3. – № 3. – С.44–58.
15. Heidenreich, M. (2012). The social embeddedness of multinational companies: A literature review. *Socio-Economic Review*. 10. 549–579. DOI: 10.1093/ser/mws010.
16. Jozsa, Viktoria. (2016). Corporate Embeddedness from a New Perspective. *CROMA*. 4. P.15–29.
17. Belyavskiy, B. (2020) Social Embeddedness as a Business Goal: New Theoretical Implications from the Case of a Global Value Chain. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 21. No 3. May 2020. P. 151–172. URL: <https://jle.hse.ru/index.php/ecsoc/article/view/10872/12165>.

© В. И. Нефёдкин, 2021